

Своя игра

«Ретроспектива» Алены Кирцовой
в Центре искусств на Неглинной

Бильярд. 1982 г.

**Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»**

30-летие художественной карьеры автора отображено, как полагается, различными этапами творчества: ранними этюдами поры учения у «блаженного» Василия Ситникова, геометризованными натурными видами, без соответствующих пояснений легко принимаемыми за абстракции, позднейшими ассамбляжами из битых бутылок и всевозможных гаек с шестеренками, наконец — «мемориальными плитами» 90-х. Поначалу можно подумать, что выставка групповая, а не персональная, настолько контрастируют между собой произведения разного времени. Кардинальная смена манеры и почерка примерно раз в десятилетие — привычная практика для авангардиста, но Кирцова вроде бы не авангардист. Даже скорее артергардист: все ее «новые» этапы номинально повторяют ходы европейского искусства середины прошлого века.

Это не бездумное попугайство, в наших краях довольно распространенное, а полная его

противоположность. Мол, эти опусы кажутся вам вчерашним днем, но любой день неизбежно становится вчерашним. Так ли уж необходимо бежать впереди паровоза? Неторопливо, с наслаждениями и метаниями, Кирцова путешествует по истоптанным сотнями ног местам и всегда возвращается с удачами, пускай и персонального масштаба. Тезис о том, что художник должен в первую очередь удовлетворять собственным эстетическим запросам, только кажется порочным. Стоит лишь заняться обслуживанием чужих, неважно — передовых или консервативных, как результаты начнут ужасать самых закаленных специалистов. Доказано множеством примеров.

В работах Кирцовой отсутствует экспрессия, разве что найдутся следы романтической приподнятости в юношеских (вернее, девических) пейзажах с мельницами и часовенками. В остальном — самоуглубление на грани медитации, своего рода модернистский символизм, если иметь в виду пристальное до болезненности внимание к оттенкам цвета. Это от-

носится не только к живописи, но и к пространственным коллажам, ящикам и шкапулкам со встроенными предметными композициями. Вместо редимейдовского наплевательства на красоту — намеренная изысканность и любование каждым кубическим сантиметром произведения.

Вроде бы нелогично переходить после этого к производству деревянных досок с выжженными на них сплошными текстами, будь то воспоминания детства или записи расходов по хозяйству. Даже наверняка нелогично, но Кирцова переходит. Не исключено, что в этом есть что-то от попытки поэтической самореабилитации (к изобразительному искусству Алена причалила после странствий по волнам стихосложения). С трудом, но различаешь на ее досках ритмическую организацию слов и даже поэтическое настроение: «Ведь краски, чтобы красить, а не нюхать, иначе не успеешь оглянуться, их отдадут другому навсегда». Кирцовские краски отдавать другому не успели, она сама почему-то запрятывает их в дальний ящик. Хочет по ним соскучиться?